

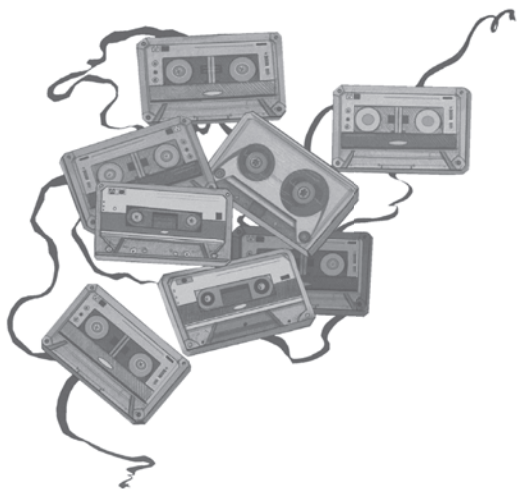
GADEZZ

МЕРТВЫЕ МАЛЬЧИШКИ ТРОВРОУЗА

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИ∞

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Чердак с историями + МИФ

GADEZZ

МЕРТВЫЕ МАЛЬЧИШКИ ТРОВРОУЗА

Москва
МИФ
2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84стд1-445.1
Г13

gadezz

Г13 Мертвые мальчишки Гровроуза / gadezz. — Москва : МИФ, 2025. — 512 с. — (Чердак с историями + МИФ).

ISBN 978-5-00250-249-3

Каждую ночь маленький американский городок Гровроуз покрывается фиолетовым туманом и жители погружаются в крепкий сон. А на кладбище просыпаются мертвые мальчишки, которых что-то удерживает в мире живых — и заставляет нуждаться в крови...

Больше всего они хотят уйти за билборд и покинуть Гровроуз. Но так ли просто это сделать, если ты застрял в нежизни?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84стд1-445.1

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-249-3

© gadezz, 2025
© Оформление. ООО «МИФ», 2025

*Посвящается всем,
кто бродит в тумане*

Кензи

DPR IAN — Don't Go Insane

У Ромео аллергия на цветы даже после смерти. И он ненавидит, когда последнюю пачку молока с его инициалами допивает Базз. Каждый раз дерутся, будто в первый. Удивительно, как эти двое друг друга еще не угробили.

Вообще-то, здесь — в *нежизни* — с драками строго, но мало кого из мальчишек это останавливает. И все же покалечиться никто не хочет, а уж умереть и не воскреснуть — тем более. Страх неизвестности крепко держит нас за горло. Возможно, знай мы, *что* там, билборд не тревожил бы нас так сильно.

Взять, например, меня. Ляг я поперек своей могилы хоть сейчас, максимум иссохну и испорчу прическу. Я встречал мальчишек, которые так и делали: верили, что могут уйти на тот свет. Придурки. Если кто-то из этих безумцев встанет на моем пути, лучше обойду стороной и перекрещусь. На всякий случай...

Был один: закопался в землю и лежал, пока не превратился в зловонную мумию. Конечно, мы его к *нежизни* вернули (лишь бы не вонял). После чего его волосы росли пучками и смешно топорщились. И своей шевелюрой этот мальчишка перепугал всех девчонок, чем изрядно расстроил нашего главного ловеласа — Ромео.

Он, кстати, у нас душа компании. Его улыбка способна растопить даже самое черствое сердце. *Была*. Пока

не обросла клыками и девчонки не стали убегать с кладбища, вопя от ужаса. Для подростка в пубертате — скажу вам откровенно — это трагедия вселенского масштаба. Уж поверьте!

Чужие эмоции я чувствую на расстоянии. Ромео, напротив, способен управлять ими через прикосновения, но почти (помашем ручкой вспыльчивому Баззу!) никогда так не поступает, зато часто бурчит о том, как важно прожить даже самые тяжелые моменты и что бывает, если раз за разом эти переживания проглатывать.

Я его отчасти понимаю, *правда*. Только многие здесь отдали бы все, лишь бы он коснулся их плеча и усыпил каждую вибрирующую клеточку в теле. А я — пускай и глупо — представляю, как однажды Ромео застанет меня за мытьем посуды и заставит испытывать прилив радости от грязных вилок и прилипших к кастрюле макарон.

Страшно. Очень страшно!

Грейнджер к чувствам равнодушен. Ему есть дело лишь до трех вещей: заумных книжек про молекулярную чего-то там, наушников и Nintendo. Если не зарядить игровую консоль вовремя — пиши пропало. Такого нытика еще поискать надо. Мне иногда кажется, он скорее выдержит неделю без крови, чем без игр. Зато его интеллект и феноменальная память не раз выручали нас при вылазках в город, где на каждом шагу подстерегают *фантомы*, но сейчас не о них.

Лучше вернемся к девчонкам. Обычно, когда они убегают в слезах с нашего кладбища, их замечает Уиджи: у него из трейлера хороший обзор на рощу. И тогда провинившимся мальчишкам приходится несладко, потому что город — хоть и стирает все наши промахи с восходом солнца — ошибок не прощает. Ночной туман, будто живой, питается витающими в воздухе страхами, и *фантомы* становятся сильнее.

Уиджи — парень со странностями. Порой от него и слова не дождешься, зато наши головы для него — открытый код. Ничего не зароешь. Все раскопает, аж бесит. А еще он ненавидит вытаскивать нас из передрыг и особенно — Ромео, который попадает в неприятности почти так же часто, как пустоголовый Базз.

У Базза мозг в заднице. Это факт, известный нам всем. Когда они с Ромео остаются вдвоем — готовь гроб. Сведут в могилу. В позапрошлую вылазку они чуть не подорвали бензоколонку на окраине города, заманив туда десяток *фан-томов*, а в том году разнесли стеллаж с пробирками, подравшись из-за пачки хлопьев. Грейнджер был в ярости.

Безумцы.

Базз у нас ранимый, хотя с виду не скажешь: высокий, плечи широченные настолько, что между некоторыми надгробиями ходит боком, а взгляд... О! Таким поджаривают маршмеллоу и заставляют младенцев замолчать навсегда.

А я парень простой. Без пяти минут автор международного бестселлера, и вот уже год, два, три — со временем тут разлады — сторожу кладбище возле Гровроуза*. Не путать с городком по ту сторону водохранилища — Гленлосс**. Это в *нашей* закускойной «Горячий Билл» готовят лучшие хот-доги в мире, и *наши* люди — самые вкусные на свете.

Добрые! Я хотел сказать «добрые».

Мне нравится думать о *нежизни* больше как о работе, чем о тюрьме. *Иллюзия выбора*. Знаю-знаю! Мы все тут в той или иной мере обманщики. Только лжем чаще себе. Чего не сделаешь, лишь бы не свихнуться...

* Groverose — вымышленный город, дословно переводится как «Роща роз». *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

** Glenloss — вымышленный город, дословно переводится как «Потерянная долина».

— Чего расселся, Кензи? — пинает ножку моего табурета Уиджи. — Лучше бы помог парням с новеньким.

А вот и надзиратель...

Я захлопываю блокнот и с неохотой встаю, отодвигая шаткий табурет. В трейлере тесно, поэтому приходится ужиматься, чтобы разойтись вдвоем. Был бы еще один столь же спокойный уголок — непременно писал бы там. Но выбор невелик: покинутый людьми мотель, забитый провизией магазин на заправке, перевернутый внедорожник-пикап (надеюсь, однажды его сметет торнадо!), кладбище да трейлер, который Уиджи — без суда, следствия или хорошей драки — считает своим личным кабинетом.

Хотя буду откровенен: если бы за право отвоевать территорию пришлось, точно гладиаторы, бороться на арене, мои пятки бы уже сверкали в направлении канадской границы. Не из трусости! А, как однажды вычитал Базз, во имя «сохранения генов в ходе *революции*». Когда он это сказал, я рассмеялся громче всех, и мне прилетело в нос, а Базз еще пару дней бурчал что-то в духе: «Ничего эти придурки в науке не смыслят!» И после того случая я хорошо запомнил, что с громилой шулки плохи, и поставил мысленный стикер. Не розовый! Пожалуйста, не спрашивайте...

— Хэй! — ворчу я. — Ты с успешным писателем разговариваешь! Немного уважения не помешает.

— Будь любезен, — Уиджи делает неуклюжий реверанс и, распрямляясь, прикладывается затылком о верхнюю дверцу шкафчика, — завали и иди к остальным.

Телепат хренов!

Я мысленно транслирую ему трехэтажную брань, зная наверняка: каждое едкое слово доходит до профессора Икс точно по адресу.

— Кензи, я все слышу, — ворчит Уиджи.

Пол подо мной поскрипывает. Я притворно охаю, засунув в рот леденец на палочке, и с издевкой восклицаю:

— Не может быть!

Уиджи забирается на койку и достает одну из заумных книг Грейнджера. Готов поспорить, он даже название без запинки прочесть не сможет. Этот пижон считает себя умнее всех только потому, что на год старше и пару раз... Ладно, на самом деле постоянно вытаскивает нас из глубокой такой, мохнатой...

— Иди уже! — гаркает он на меня, пока я шнурую выцветшие от постоянных стирок кеды.

— Да иду я, иду!

Аккуратно прикрыв и без того дряхлую дверь трейлера, я спускаюсь и хлюпаю по влажной земле в сторону кладбища. Мерзкая морось пробирается за шиворот клетчатой рубашки, и я нахохливаюсь.

Почему мальчишки так любят воскресать в дождь? Столько лишней драмы, не находите? Книги с таким банальным сюжетом нагоняют на меня скуку. Ведь куда интереснее читать про перестрелки, вторжение пришельцев или, на худой конец, про охотников за нечистью, держащей в страхе весь город. Про тех кровососов, которым в финале достается красивая девчонка, а справедливость обязательно торжествует.

Диктатор Уиджи присоединится к нам позже, чтобы зачитать новенькому свод правил. Огромный! Прямо, как мой...

За спиной слышится приглушенный смех.

Да-да, смейся там.

Чего не отнять у Уиджи — это лидерских качеств. Без него мы бы давно пропали. Думаю я об этом, отойдя на приличное расстояние, когда знаю наверняка: этот придурок не услышит.

Помимо гундежа, в его обязанности входит обременять обязанностями других. Я не жалуясь. Разве что иногда.

Ведь в *нежизни* он торчит дольше всех, поэтому ему в этом плане не позавидуешь. Зато прическа целая и есть своя жилплощадь.

У нас, мертвых мальчишек, выбора особого нет — уйти за билборд в неизвестность, обратимо сдохнуть или — мое нелюбимое — иссохнуть.

После смерти в *нежизни* — хочешь не хочешь — почти всегда оживаешь. Раны затягиваются за пару дней, а переломы срастаются за неделю-две, но получать их никто не любит. Это больно.

Совет от меня: тонуть — плохая затея. Неделю выкашливаешь вонючую воду и просыпаешься, глотая ртом воздух. Хуже только лишиться головы. Никто из нас этот аттракцион не пробовал, но Грейнджер, на одной из вылазок в город, со слишком уж большим интересом рассматривал топор в супермаркете. И с того дня, зная его любовь к экспериментам, в строительный отдел мы его одного не пускали.

А безвозвратно отойти на тот свет можно верным способом — дать *фантому* себя сожрать. К счастью, мне такое видеть не доводилось. И даже рыжему Дрю — моему закланному врагу — подобной участи не пожелаю.

Если вы еще не поняли — мы тут застряли. Я бы и рад убраться подальше, да только не могу. Кладбище держит всех, включая меня, словно на привязи. Изредка бросает кость в виде вылазок или подростков, решивших с какого-то перепуга, что земля с мертвецами — лучшее место для тусовки. Да и толку? Нам даже заговорить с ними не разрешается.

Ой, чего я нагнетаю!

Есть у нас способ отсюда вырваться — *билборд* в розовой роще. Рекламный постер, наклеенный на нем, давно выцвел от палящего солнца, а на ветру билборд поскрипывает так же жутко, как калитка в доме с привидениями.

Если б не небо — до чего красивое! — над ним, я бы точно помер от сердечного приступа, оказавшись рядом с этой ржавой рухлядью. Тошно смотреть.

Раньше наш город жил. Мимо него проходила крупная дорога, и вдоль нее, подобно цветам, прорастали магазинчики, фермы и кафе. А сам Гровроуз становился все больше и громче — *значимее*. Родители рассказывали о временах, когда на том древнем билборде постоянно сменялись зазывающие слоганы, сверкали огни и даже птицы облетали его стороной. А потом... как это обычно бывает, все изменилось.

Один залетный предприниматель купил недалеко от города участок под казино и решил, что будущим посетителям негоже делать крюк через наше захолустье. Продавил, где надо. Отвалил денег нужным людям — и вуаля! — шоссее к его королевству проложено!

Капитализм победил.

С постройкой новой магистрали Гровроуз от большого мира будто ножницами отрезало. Проезжать через нас стало попросту тратой бензина, поэтому поток пошел напрямую к казино, а оттуда — к ближайшему мегаполису. И все, казалось бы, в плюсе.

Кроме нас.

Стремительно магазины, рестораны и прочий малый бизнес начали терпеть убытки. Стояли полупустые, объявив о банкротстве. Молодежь уезжала поближе к строящемуся королевству. И я ее понимаю. Правда. Только принять не могу то, как одному человеку и нескольким милям бетона хватило пары десятков лет, чтобы ввести в состояние анабиоза целый город, который держался — на минуточку! — больше века.

Сейчас одинокий билборд — единственное яркое напоминание о прошлом. Символ мертвой надежды. Доказательство того, что стремление — обманчивое движение,

всегда ведущее к разочарованию. А разочарование — константа, число «пи». То есть полный пи... Ну, вы поняли. Не жизнь, а болото. Поэтому даже мои родители однажды выбрали этим миром не очаровываться. Уж не знаю, как у таких, как они, родился такой, как я.

Мечтатель.

Для нас же, мальчишек, билборд — дверь с табличкой «Выход». Роща из роз, окружающая его со всех сторон, выбрала ему совсем иную роль, нежели реальность. *Роль надежды*. Есть в этом некая ирония, не находите? Будто я очнулся вверх тормашками или попал в Зазеркалье.

Когда мальчишка готов, он уходит за линию и растворяется за горизонтом. И это зрелище — невероятное и жуткое одновременно. Но важно не только *отпустить* самому: *отпустить* должны и тебя. Если мир живых крепко держит, то застрять можно надолго. Как Уиджи, но хватит с него минуты славы. Это ведь *мое* вступительное слово.

Я перемахиваю через парные могилы супругов Белл, чтобы обойти огромную лужу на узкой тропе, и бросаю им извинения. Вряд ли они слышат, но всяко лучше подстраховаться. В траве рассыпался порванный браслет из разноцветных бусин. Наверное, это их дочь приходила высаживать цветы, а он лопнул — и шарики, точно конфеты, раскатились в разные стороны.

В голове роятся мысли. Думаю и гадаю, как бы поэффектнее начать свою книгу. Душераздирающий монолог? Погоня? Или...

«Стояла глубокая ночь. Луна нависала над затухающими вдали огнями Гровроуза. Редкие фонари слабо освещали каменные надгробия кладбища, создавая целые острова из ореолов тьмы...»

Так ведь начинаются самые скучные истории, верно?

А давайте-ка я расскажу, как все устроено на самом деле...

Мне страшно хочется крови. Желудок скручивает тугим узлом, и во рту скапливается слюна. За последнюю пачку хлопьев мы едва не подрались утром, но, если тело требует иного, еда становится суррогатом — перекусом до сытного ужина. А следующая вылазка за припасами и кровью лишь через пару дней. И этот зудящий голод куда хлеще, чем то чувство, когда сидишь в кабинете директора и знаешь заранее, что именно тебе скажут:

— Мне очень жаль, Кензи. Твой папа сегодня скончался.

А ты смотришь через толстенную оправу в маленькие глазки, которые вот-вот разродятся за тебя слезами, и ничего не чувствуешь.

Совсем.

«Тук-тук, тук-тук», — стучат за твоей спиной стрелки часов на стене.

«Тук-тук, тук-тук», — слышу я все ближе и ближе глухие удары о дерево.

Это мальчишки откапывают новенького, и он в панике бьет кулаками в крышку своего гроба. Помню этот животный ужас. Открываешь глаза, а вокруг — темнота, запах сырой земли и плесени. Пытаешься пошевелиться и не можешь. Жуть.

Но бояться незачем. Знаю, мне легко говорить. Ведь я *тут*, а бедолага — *там*. А большинству и вовсе можно расслабиться, потому что вряд ли их ждет та же участь. Кладбище наше избирательно: подростки от шестнадцати до восемнадцати.

Никаких детей.

Никаких взрослых.

И никаких девочек.

И вот за последних особенно обидно.

Не хочется драматизировать. Все мы однажды будем на кладбище. Ирония в том, что даже здесь человек вынужден быть один — одиноко лежать под землей и безвкусным

серым камнем. В холодном гробу с дурацкой обивкой. Возможно, даже с розовой.

Лучше бы меня развеяли. Быть может, я бы вызывал приступ астмы у рыжего Дрю, который издевался надо мной в школе. Как бы я изводил его, летая в воздухе! Как бы изводил...

Слышу пиликанье Nintendo, а затем из-за надгробий выглядывает горшок из каштановых волос. Грейнджер обочивается и радостно машет мне:

— Я прошел уровень!

Вот же зараза.

Знал же, спорить с этим задротом — пропащее дело. Придется две недели мыть за всеми посуду вне очереди. Ненавижу это! И почему мы не восстали из мертвых там, куда пришла цивилизация с посудомойкой? Где-нибудь на Грин-Вуд* в Бруклине.

— Нечестно! — кричу ему я, перебираясь через надгробие мистера Уилса, поросшее мхом. Так бывает, когда дети получают немалое наследство и их больше не заботит мертвый дед.

Я скольжу по мшистой траве, точно по льду, и врезаюсь в ствол дуба, который мы ласково зовем Генри. В его коре — поговаривают мальчишки — застряла пуля, и кто ее отыщет — надолго тут не задержится. Глупости, да и только.

Генри — особенное дерево. Не счесть, сколько ночей мы провели у его подножия с гитарой. Только в этот сезон осадков выпало до того много, что боюсь, как бы не сгнили корни.

— Это почему «нечестно»? — Грейнджер болтает ногами в потертых джинсах, глядя на меня сверху вниз с крыши

* Одно из самых дорогих кладбищ в Америке, которое известно ухоженным газоном, озерами и скульптурами.

склепа, и я уверен: смотрит он куда угодно, только не в глаза. Мы привыкли.

Недавно он *вы́*читал: для установления лучшего эмоционального контакта нужно выбирать левый глаз. Это связано то ли с *миндалем* в мозгу, то ли с каким-то *дальновидным* телом. В общем, Ромео вдохновился и неделю тренировался на нас, приговаривая, что будет так цеплять девчонок на том свете. Только походило это на нервный тик, поэтому эксперимент быстро сошел на нет.

— Да ты с приставкой не расстаешься, — подтягиваюсь я к Грейнджеру, цепляясь носками кед за каменную стену. — Пряма мегабосс, которого не победить.

— А чего спорил тогда?

Мне и ответить нечего. От скуки? У нас тут развлечений немного. Вот и спорим иногда на всякую ерунду. Да и время на кладбище течет странно и непонятно. У нас проходит месяц, а там, в Гровроузе, неделя или пара. И не пойму: то ли мы куда-то спешим, то ли они опаздывают.

Базз загоняет лопату в землю и вытирает испарину со лба:

— Готово.

Из могилы его голос звучит приглушенно. Я вытягиваю шею и заглядываю в вырытую им яму. Мальчишка в гробу притих. То ли обделался, то ли вот-вот обделается.

Оказавшись на его месте, я и сам скребся, кричал и бил кулаками. Но стоило мне услышать голоса, тело тут же сковало ужасом. Именно в тот момент я осознал, что это не сон. По сей день этот стук могу слышать, гуляя по кладбищу один, а иногда — в темноте, пока все спят. С заходом солнца треклятое воображение будто наступает мне на пятки.

Не *нежизнь*, а ужастик.

— Веселитесь, и без меня? — тренькает гитарой подошедший Ромео. Его волосы зачесаны назад, как в «Бриолине»*, а кожаная куртка закатана до локтей.

Готов поспорить (спорить мы любим, если вы еще не поняли), он сидел на крыше бензоколонки и разглядывал загорающиеся огни Гровроуза. Представлял, пока солнце скатывалось за горизонт, как в этих крохотных окошках готовятся ко сну девчонки, переодеваясь в шелковые пижамы...

Извращенец.

Ромео тянет меня за ноги вместе со штанами — и я вскрикиваю, хватаясь за ремень джинсов.

— Опять летаешь в облаках? — Грейнджер лыбится и соскальзывает со склепа в траву.

— Предатель, — бурчу ему я.

У этого мальчишки расстройство аутистического спектра, и смеется он почти... никогда. Не то чтобы не умеет. Скорее неуместно. «Аккумулирует энергию», — однажды сказал Базз. А Базз редко выдает умные вещи. Поэтому мы привыкли различать улыбки и шутливо называть их «Пятьдесят оттенков Грейнджера».

Редкая «гогочу», когда появляются морщинки у глаз. Кривая линия губ и сжатая челюсть, если в холодильнике один из нас снова случайно задел выставленные по цветам йогурты, или хуже — разрядилась приставка. И моя нелюбимая «придурки» — одним уголком рта — часто достается мне. Вот как сейчас.

* Музыкальный фильм режиссера Рэндала Клайзера, созданный в 1978 году по мотивам одноименного сценического мюзикла. В фильме показана Америка 1950-х годов, где еще нет ни нефтяных кризисов, ни войны во Вьетнаме, ни панк-рока, преобладают длинные авто с открытым верхом, а мужчины носят зализанные бриолином прически.

Сохранив штаны на месте, я спрыгиваю вслед за Грейнджером и запрокидываю голову. Тучи, затянувшие небо, скрывают от нас звезды. Морось щекочет ресницы, а от земли исходит запах прелости и влажной травы.

Не было эпизода, чтобы мальчишка выбирался в ясный день или в сухую облачную погоду. Грейнджер считает: это запрограммированная последовательность, будто мы в симуляции, а все вокруг не более чем квест. Базз ссылается на *сучий* (простите его за ругательство) случай. Ромео видит в этом загадку Бога. Из Уиджи, если он об этом и задумывается, слова не вытащить. Я же... подмечаю символизм: мы уходим в темноту, умирая; мы просыпаемся в темноте на кладбище и рождаемся мы тоже из темноты. По крайней мере, в *нежизни* хочется верить в существование *после*.

Иначе зачем оно все?

Сходимся мы в одном. Это треклятое место — то ли чистилище, то ли промежуток, где мы все застряли. И будем держаться поодиночке — долго не протянем. Разве что ноги.

Когда Базз отрывает заколоченную крышку гроба — он у нас сильный, в этом его способность, — к нам незаметно подходит Уиджи и хлопает меня по спине. Я подпрыгиваю, с трудом удерживаясь на скользкой земле от падения в яму.

Да чтоб тебя!

Уиджи

Simple Plan — Astronaut

В дождливый день нет ничего приятнее, чем испугать Кензи. Раньше он таким трусливым мальчишкой не был. То ли дело в его гиперчувствительности, из-за которой он заражается тараканами других, то ли в моем желании вызывать эмоции, поскольку на свои я, увы, бываю скуп.

Кензи до того тревожный, что проверяет, запер ли перед сном дверь (будто бы кто-то, кроме нас, может проникнуть в мотель), контролирует, закрыл ли микроволновку (иначе мы умрем от облучения, ха-ха), и по несколько раз заглядывает в душевую, дабы убедиться: кран закрыт, совершенно точно закрыт.

— Эй, — спрыгиваю я в яму и наклоняюсь над открытым гробом, — мы знаем, ты нас слышишь. Это не сон. Подъем!

Новенький нерешительно открывает сначала один глаз, потом второй.

— Я умер? — хрипит он.

Баззу, очевидно, не терпится поскорее отсюда убраться, поэтому он его и торопит:

— Умер, умер. Вылезай. Мне еще могилу закапывать.

Я протягиваю перепуганному птенчику руку:

— Не бойся.

На нем недорогой черный костюм, а вокруг разложены красные, не успевшие завянуть розы.

— Мы не кусаемся, — улыбается ему Ромео, демонстрируя клыки.

Птенчик предсказуемо орет как резаный, и я бросаю убийственный взгляд на Ромео. А он лишь брынькает несколько заунывных аккордов и напевает:

*Однажды проснувшись в ночи,
Я брюки свои обмочил.*

Грейнджер надевает наушники, кривясь и щурясь, и только после этого Ромео затыкается.

— Успокоился? — Я присаживаюсь на корточки рядом с птенчиком, а он невинно хлопает ресницами, словно и правда только вылупился. — Надо выбирать, пока яму

не залило. Никто тебя тут не обидит. — Прочищаю горло, зыркая на мальчишек по очереди, и добавляю важное уточнение: — Сегодня.

— А з-завтра? — подает голос птенчик.

Я вздыхаю:

— А завтра будет завтра.

Он шмыгает носом и приподнимается. Бутоны и лепестки роз осыпаются с лацканов его пиджака на влажную землю, и Базз кромсает их лопатой. Его ухмылка зловеще сверкает в свете фонаря, подрагивающего от перебоев с электричеством. Птенчик громко сглатывает.

Придурки.

— Проверяют тебя на прочность, — успокаиваю его я, пока его пшеничные волосы дыбом не встали. — Весельчаки.

— Понятно, — отрешенно отвечает он.

— Базз подтолкнет тебя наверх, а Ромео вытащит.

— Угу.

Когда Ромео протягивает птенчику руку, тот опасливо косится на все еще скалящегося за спиной Базза, а он с легкостью поднимает новенького за корпус, точно перышко.

— Значит, вы — вампиры? — первым делом спрашивает птенчик.

Кензи тыкает его пальцем в грудь:

— *Мы.*

— Задай свой главный вопрос, — наклоняется к птенчику Ромео. Он изображает пальцами когти, подобно пластиковым монстрам с нижней полки детского отдела супермаркета, и клацает зубами: — Чем мы питаемся?

Базз закатывает глаза:

— И вот он опять заговорил цитатами из «Сумерек»...

Черное небо озаряется вспышкой молнии, и мы все на мгновение застываем, как перепуганные выстрелом птицы.

— Раз, два, три, четыре, пять... — считает Грейнджер, не отрываясь от игры в приставку. — Шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать...

Кладбище сотрясается от раската грома, и даже я вздрагиваю.

Грейнджер поправляет очки и сообщает:

— Молния примерно в двух целых и тридцати пяти сотых мили* от нас, но это неточно, потому что для моих расчетов недостаточно данных.

— Ч-что? — сжимается птенчик.

— Когда ударяет молния, она издает громыхание. — Он активнее жмет на кнопки приставки. — На самом деле шум возникает примерно в то же время, что и молния, но мы слышим его через несколько секунд, потому что звук движется медленнее света.

Птенчик задирает голову, и по его щеке скатывается первая капля дождя. Он моргает:

— Вот оно как? Гром, значит...

Грейнджер снимает наушники, переключая внимание с Nintendo на нас, и смотрит на птенчика, как если бы тот был самой скучной книгой во всей Центральной библиотеке Гровроуза. Или хуже — мелкой брошюрой с засаленными страничками, выброшенной в мусорный бак у туристической фирмы.

— Это звуковое явление в атмосфере с электрическими разрядами — молниями.

Птенчик приоткрывает рот и тут же закрывает, дрожа от холода. Лицо серое, словно пасмурный день, а губы отливают синевой.

* Приблизительно 3,78 км.

— Думаю, он понял. — Ромео пытается приобнять Грейджера, но тот ловко уклоняется. — Ах да, прости, недотрога. Привычка.

Ромео — самый тактильный человек из всех, кого я когда-либо знал. Если бы объятия могли убивать, он стал бы невероятно успешным киллером.

— Знакомься, это наш малыш Кензи, — я толкаю того локтем, чтобы развеять напряжение, и он отбрыкивается, пиная меня в бок коленкой.

— Не малыш я! — верещит Кензи, точно несносный ребенок, и я над ним по-доброму смеюсь.

— Ладно-ладно, — уворачиваюсь я от ударов его длинных конечностей. — Сэр Маккензи Берд.

— Уже лучше.

Он приподнимает воображаемую шляпу и низко кланяется.

Я продолжаю знакомство:

— Мама у него корейнка. Папа — ирландец. Лицо айдола, но голос как у бывшей Базза, то есть... кхм. — Я смахиваю фальшивую слезу со своей щеки. — Его нет.

Базз, сидя на закрытом гробу, растягивает губы в улыбку пальцами:

— Ха-ха-ха.

— Подтверждаю, — трагично брынькает на гитаре Ромео. — Когда сэр Маккензи поет в душе, в округе подымают птицы.

Кензи важно упирает руки в бока:

— А я думал, что онидохнут после того, как ты весь день не вылезашь из сортира. Краденые суши вкуснее?

Ромео замахивается на него кулаком:

— Цыц, у зай! Я приобщался к предкам Уиджи!

Кензи отпрыгивает и показывает ему язык.

Я ухмыляюсь, вспоминая мою пропажу из холодильника:

— Ну-ну.

«У-зай», — повторяю я про себя, наверняка с ужасным акцентом. Недавно мы услышали это слово в японском фильме, и мальчишки стали его повторять, словно их заклинило. Но никто из нас точного значения не знал. Кажется, это что-то про боль в заднице или раздражение. Не свали мой папаша в детстве, у меня, возможно, и был бы шанс выучить язык. А так... о родине отца мне известно обрывками — через призму интернета. А там перспектива искажена, как в неумелом рисунке начинающего художника.

— А это Ромео, — киваю я в его сторону. — Местный сердцеед. Держи свои вещи подальше — особенно еду — или подписывай, хотя это не особо помогает. Захочешь отомстить — подсунь ему под койку розы. Не умрет, зато обчихается знатно. У него аллергия на цветы.

— Не на цветы, а на пыльцу, — гундит себе под нос Грейнджер. — Поллиноз.

— То-о-чно, — иронизирую я, упираясь о высокое надгробие локтем. — Это наша ходячая энциклопедия по имени Грейнджер. У мальчишки расстройство аутистического спектра, поэтому советую погуглить, что это, прежде чем обижаться, когда он в очередной раз тебя интеллектуально унизит или проигнорирует.

Из ямы доносится храп, и я потираю затылок:

— А там Базз. Он безобиден, если не злить.

Птенчик пятится от ямы, и Ромео издает протяжное «О-о-о», а затем снова поет под гитару:

*Однажды проснувшись в ночи,
Я брюки свои обмочил.*

— Завали, — ворчит из ямы Базз, и все, кроме птенчика, смеются.

Птенчик переминается с ноги на ногу и тихо, почти неслышно, спрашивает:

— Я... умер?

Все резко затыкаются. И даже рука Ромео замирает над струнами, а потом и вовсе безвольно опускается.

— Да, — честно подтверждаю я, поскольку врать о таком, как показала практика, не имеет смысла. — И сейчас ты чувствуешь голод, с которым мы разберемся позднее. А для начала проведем тебе экскурсию.

Посиневшие губы птенчика поджимаются, и Кензи приобнимает его за плечи — не навязчиво, а слегка касаясь, и широко ему улыбается:

— Все образуется.

Мы покидаем кладбище через кованые ворота, и я рассказываю птенчику всякое: про наш мотель со «Стеной посланий», где красуется множество записей и артефактов от ушедших мальчишек; про крышу с неоновой вывеской, под которой мы часто зависаем с гитарой, разглядывая через рощу огни города; про заброшенную заправку без кап-ли бензина и про будущее, которое ждет впереди.

Я оборачиваюсь на металлическую ограду, будто могу разглядеть больше, чем кажется на первый взгляд. Базз остается в яме. Он ненавидит новеньких из-за их частых истерик после пробуждения. В отделении хосписа, где Базз провел последние месяцы жизни, было много слез. Не только детских. Родительских тоже. Когда он выбирался на крышу, чтобы скрыться от медсестер, видел, как матери и отцы рыдали на парковке больницы, громко завывая или тихо всхлипывая — всегда по-разному.

Так он мне рассказывал, но я думаю, поднимался он совсем не поэтому... Неспроста этот громила боится высоты. Базз всегда говорит: «Меня убила лейкемия». Но почему-то никогда: «Я умер *от* лейкемии».

Мы идем вдоль рощи к мотелю, и гром гремит уже ближе. Когда птенчик видит наше сокровище, то застывает с открытым ртом:

— Откуда здесь розы?

— Сами не знаем. — Кензи кивает на рощу: — Она была тут до нас всех. Возможно, с нее *нежизнь* началась, ведь ей обычно все и заканчивается.

Я кашляю в кулак, давая Кензи понять, что не стоит вываливать все разом.

— Или за ней новое начало, — нагоняет нас Ромео, закинув гитару за спину. — Загадка, которую вряд ли кто-то из нас разгадает.

— Любую загадку можно разгадать, — парирует Грейнджер, идущий чуть поодаль от остальных. — Но научные эксперименты пока не дали должного результата.

— Научные? — оживляется птенчик.

Я вклиниваюсь:

— Не нуди, Грейнджер, дай мальчишке освоиться.

— А мне интересно, правда. Я давно увлекаюсь астрономией. Даже писал доклад о законе движения планет в Солнечной системе.

— Законе Кеплера, — протирает запотевшие очки Грейнджер. — Он первооткрыватель.

Ромео легонько бьет птенчика в плечо:

— Тогда будем тебя звать так.

— Кеплером? — впервые улыбается он.

— У нас тут не принято обращаться по старым именам, — поясню я. — Мы выдумываем прозвища. Не сразу. Имя нужно заслужить. Даже если дурацкое, оно всегда с уважением. *Никто* не должен обижать *никого*. Это, правда, не правило, а, скорее, рекомендация, поэтому у нас тут постоянно новые сезоны мыльной оперы. Тебе повезло, что имя придумали быстро.

Кеплер косится на Кензи:

— А сэр Маккензи Берд?

Кензи деловито улыбается, прижимая к груди свой портфель с кучей наклеек, закладок и путаных мыслей внутри:

— А я тут рассказчик.

— Писатель недоделанный. — Я хватаю его за шею и взъерошиваю волосы, а он, естественно, верещит. — Вот ты кто.

— Как мы его только ни звали, но этот мальчишка... — хмыкает Ромео, — в упор не хотел откликаться ни на что, кроме своего настоящего имени.

Порыв ветра подхватывает облетевшие лепестки роз — и те кружат над нами, словно в танце. Кензи вырывается из моего захвата и злобно — на самом деле по-ребячески мило — зыркает на меня:

— Мне важно запомниться Маккензи Бердом. Не хочу скрываться за псевдонимом.

Я закатываю глаза, но молчу. На одном из надгробий сидит моя паучиха Люси. Она перебирает крохотными лапками, наблюдая за пролетающими мимо неоновыми свертками. Я подхватываю ее, кладу в спичечный коробок и убираю в карман штанов.

У каждого мальчишки есть одна такая вещь, которую он приносит из прошлой жизни, и она всегда пурпурная. Люси — одна из них. Так за поворотом на обочине дороги покрывается ржавчиной фиолетовый — от кузова до шин — пикап. Его достал Ромео, и этим изрядно разозлил Кензи. В личное без надобности я не лезу. Их дела, пусть и разбираются.

Кеплер останавливается и указывает вдаль:

— А там что?

— Билборд, — встаю я с ним рядом — он оказывается на голову ниже. — То ли проклятие наше, то ли надежда.

— Надежда, — подбадривает его Кензи.

— Для меня этим были звезды. — Кеплер отрывает мечтательный взгляд от билборда, смотрит в искрящееся от молний небо и хмурится, точно туча: — У вас же они... есть?

— Ага, — взбирается на перевернутый пикап Ромео, и Кензи сводит брови. — Здесь часто бывают звездопады. Ты столько ярких светил нигде не встретишь. Увидишь — умрешь.

Я вдавливаю камушек в прибитую первыми каплями дождя дорогу и прикусываю от волнения щеку. Кеплер оглядывается на кладбище, затем вновь поворачивается к роще и смотрит на линию горизонта, будто ищет за ней ответы.

— Значит, это правда... Я мертв.

Никто не произносит ни слова.

Ветер тревожит готовые встретить рассвет бутоны. Склоняет их к земле, и их движение напоминает мне бушующие волны океана во время шторма. Сорванные лепестки поднимаются в воздух и, когда природа умиряет свое дыхание, планируют вниз. Раскатистый гром сотрясает землю. По моей спине бегут мурашки, а волосы на руках встают дыбом. Пахнет озоном и чем-то едва уловимым, как перемена погоды.

— Идемте, — подталкиваю я всех вперед.

Кензи тянет меня за рубашку и с сочувствием смотрит на Кеплера. Тот обнимает себя руками и дрожит, словно его окунули в ледяную воду.

Вот дерьмо.

Нас ослепляет вспышка молнии. Дождь обрушивается ливнем, скрывая ото всех рыдания птенчика. Но это не спасает меня от фантомной пульсации незаживающих ран в моей груди. Я сжимаю челюсть и отворачиваюсь, стараясь скрыть выражение лица. И пускай Кензи читает мои

чувства подобно открытой книге. Пока мы оба делаем вид, что это не так, я спокоен.

Почти.

Ромео натягивает капюшон и застегивает чехол с гитарой. Грейнджер с импульсивным остервенением пытается протереть линзы очков, а я опускаю взгляд на свою рубашку. Вижу пальцы Кензи, все еще сжимающие ее край. Его мысли перетекают мне в голову, сколько бы я их ни отталкивал. «Подожди», — думает он, а наши слова и чувства делаются поровну.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

